

ОБРАЗ БЕРЕЗЫ В СОВЕТСКОЙ МАССОВОЙ ПЕСНЕ 1960–1980-х ГОДОВ

Работа представлена кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор С. Н. Иконникова

В статье раскрывается образ березы в советской массовой лирической песне. Определены истоки образа в мифопоэтическом и музыкальном наследии традиционной русской культуры. Показана связь советской песенной лирики с русской профессиональной поэтической традицией. Раскрыты новые грани образа березы в советской песне: береза как символ России, страна как «березовый край» и др.

Ключевые слова: *русская ментальность, советская массовая песня, советская песенная поэзия, русская поэзия, береза как символ России, березовый край, береза, образ березы, шум берез, плакучая береза.*

V. Leleko

CONCEPT OF BIRCH IN SOVIET POPULAR SONGS OF THE 1960–1980S

The article deals with the concept of birch in Soviet popular lyric songs. The sources of this concept in the poetical and musical heritage of classical Russian culture are determined. The connection between the Soviet song lyrics and the Russian professional poetic tradition is shown. Besides, new facets of the birch concept in Soviet songs are characterised (symbol of Russia, Soviet country as a “birch land”, etc.).

Key words: *Russian mentality, Soviet popular song, Soviet song poetry, Russian poetry, birch as a symbol of Russia, birch land, birch, concept of birch, sound of birches, weeping birch.*

Советская лирическая массовая песня (эстрадная песня), будучи, особенно во второй половине XX в., относительно свободной от задачи прямого воплощения политической идеологии (вариант: от задачи быть «поющей идеологией»), в лучших своих образцах со-

держит богатое и многоплановое поэтическое содержание. Глубину ее поэтическим образам придает как включенность в отечественную поэтическую традицию XVIII–XX вв., так и в особенности интуитивное использование архаических образов-мифологем, сохранив-

шихся в народной песне, в обрядовом фольклоре. Путь к успеху у массового слушателя, во многом сохранившего установки традиционной русской ментальности, обеспечивался актуализацией в советской лирической песне мифопоэтического и музыкального пластов народной культуры. Одним из таких образов является образ дерева.

Конечно, деревья в советской культуре не были объектом обожествления и культового поклонения, как в народной культуре славян и в русской традиционной культуре. Но они мыслились как неотъемлемая часть родной земли, в которой воплотилась ее суть, ее душа, ее красота, часто были ее символом. Сохраняя связь с мифопоэтической традицией, дерево представало живым, одухотворенным, оно могло сострадать утратам и разочарованиям, утешать в неразделенной любви, петь колыбельную песню.

Хотя в советской песне, особенно в 1970-е – 1980-е гг., встречаются образы разных деревьев: дуба, клена, ели, сосны, ивы, березы, рябины, тополя, – бесспорным фаворитом по количеству обращений, глубине поэтической и музыкальной разработки образа является береза.

Образ березы многослоен, он вобрал в себя всю ментальную глубину отечественной культуры. Архаический пласт образа березы составляет семантика *женского*, дарующего жизнь *материнского начала*. Как отмечают В. В. Иванов и В. Н. Топоров, береза в первую очередь, наряду с явором, дубом, сосной, рябиной, яблоней, в славянской мифологии «может сопоставляться с человеком, особенно с женщиной» и выступать в функции «мирового древа» [2, с. 451]. Отождествление березы с женщиной исследователи находят и в заговорах и песнях славян [3, с. 171].

Это подтверждается участием березы в одном из основных и повсеместно распространенных обрядов весенне-летнего цикла традиционной русской культуры – «завивании берез»: плетении и витье кос и венков из ветвей растущих или срубленных деревьев. Смысл обряда, в который входили кроме украшения деревьев ритуальная трапеза, игры и хоровады вокруг завитых берез, – в обеспечении

плодородия земли и человека. Поэтому в нем должны были участвовать все девушки и молодые женщины, ибо именно они обеспечивали продолжение рода. Об этом прямо сказано в одной из смоленских троицких песен: «Кто не идет / Венков завивать, / Положь того / Колодою дубовую, / Детей его / Кто венков не вьет / Того matka умрет! / А кто вить будет / Того жить будет!» [1].

Исторически более молодым слоем смыслов наделила березу русская поэзия письменной традиции. Новые грани «женской сущности» березы открывает С. Есенин. Он создает яркие поэтические олицетворения березы с девушкой, женщиной, эротизирует этот образ: «Зеленая прическа, / Девическая грудь, / О, тонкая березка, / Что загляделась в пруд?» («Зеленая прическа...»); «Тот, кто видел хоть однажды / Этот край и эту гладь, / Тот почти березке каждой / Ножку рад поцеловать («Мелколесье. Степь и дали...»); «Сам себе казался я таким же кленом, / Только не опавшим, а всю зеленым. / И утратив скромность, одуревши в доску, / Как жену чужую обнимал березку («Клен ты мой опавший...»). Советская песенная поэзия выступила наследницей и продолжательницей как традиционной, так и профессиональной поэтической традиции, выделившей березу как воплощение русского и женского начал отечественной культуры.

В текстах советских песен можно обнаружить отголоски архаической «березовой» образности. Она предстает как *весеннее дерево*: березы «напевают знакомую песню весны» («Березы». 1958. Сл. В. Лазарева, муз. М. Фрадкина). Береза – «подруга весенних зорь, прозрачных рек» («Береза белая», 1976. Сл. Л. Овсянниковой, муз. В. Шаинского). Сущность «весеннего дерева» – *материнская*. Чувствуя это, лирический герой песни «Березовые сны» называет себя «сыном русских берез» («Земля моя, я сын твоих берез». «Березовые сны». 1976. к кинофильму «Великая Отечественная». Сл. Г. Фере, муз. В. Гевиксмана). Однако в материнстве акцентируется не архаическая, прокреативная, обеспечивающая продолжение рода ипостась, а материнское отношение к людям (= «детям»): любовь, ласка и забота. Его поэтически-музыкальным

воплощением является колыбельная песня, которая вводит ребенка в мир культуры, формирует его душу и интеллект. Шум берез, ее «вековой напев» слышится как колыбельная песня матери, «тихой лаской» обнимающей землю вокруг и прилегшего отдохнуть героя популярной песни ансамбля «Сябры»: «Вы шуміце шуміце / Нада мною бярозы, / Калышыце люляйце / Свой напеў векавы, / А я лягу прылягу / Край гасцінца старога / На духмяным пракосе / Недаспелай травы» ... Вы шуміце шуміце / Нада мною бярозы, / Асыпайце мілуйце / Ціхай ласкай зямлю... Я здарожыўся трохі / Я хвілінку пасплю. («Шуміце бярозы». 1980-е гг. Сл. Н. Гилевича, муз. Э. Ханка).

Береза оказывается в центре пейзажно-флорального музыкально-поэтического сознания, другие деревья и растения лишь дополняют «песенный ландшафт» СССР. Настройка поэтического сознания на березу приводит к тому, что из «хорового» шума листвы деревьев выделяется именно «шум берез». Другие деревья как бы не звучат, не «поют». «Микшерный пульт» музыкально-поэтического слуха выдвигает на передний план именно березу как поющее, музыкальное дерево. Шум ее листвы, воспринятый как музыка, «слышен» в немалом количестве популярных песен. Кроме упоминавшейся уже «Березы» (В. Лазарева, М. Фрадкина) можно назвать «Березы» П. Матвиенко и Н. Андреева (группа «Любэ». Альбом «Давай за...», 2002): «Отчего так в России березы шумят / Отчего белоствольные все понимают... Отчего так в России березы шумят / Отчего хорошо так гармошка играет». Шум берез, наряду с игрой гармошки, составляет звуковую ауру поэтически-музыкального образа России. «Пение» берез настолько трогает душу, настолько близко сердцу русского человека, что невольно на глаза накатываются «светлые слезы»: «И шелестящую листвою / Без слов, без музыки поешь. / О чем поешь, моя береза, / Качаясь тихо, как во сне? / И почему, не знаю, слезы, / И почему, не знаю, слезы / Приходят светлые ко мне» («Белая береза» 1976. Муз. В. Шаинского, сл. Л. Овсянниковой). Образ шумящей-поющей березы наиболее полно представлен в песне «Шум берез» (муз. К. Орбеляна, сл. В. Лазарева, 1974). Для

лирического героя шум берез – песня, постоянно сопровождающая его по жизни. Где бы он ни был, эта песня всегда с ним. Сто шумящих ветвей – это сотни рук, готовых прийти на помощь, «это голос любви / сквозь печаль разлук». «Шум берез – / Для меня навсегда / Это песни звук / Шум берез – / Сто зеленых ветвей, / Сто надежных рук!.. Смолкло все, / Шум берез слышу... / Среди гор и морей, / Среди всех дорог, / День и ночь / Шум берез слышу я!»

Дополнительную грань «женскому» образу березы придают ветви, склоненные к низу, и ее сезонный «плач» – весеннее сокодвижение. Они превращают березу в «плакучее дерево». Первый мотив и соответствующий ему «грустный опущенный вид» берез представлен у А. Фета, у Н. Клюева («никлые макушки стонущих берез»), в советской поэзии у А. Прокофьева («Никнут купы плакучих берез / Там, где ветер гуляет на воле... / Я люблю эту землю до слез / За былинку последнюю в поле!») [4, с. 58–59]. Второй мотив в советской песенной лирике: «О чем эта песня плакучих берез, / Мелодия, полная света и слез? / О Родине, только о Родине» («О Родине, только о Родине», 1987. Муз. А. Пахмутовой, сл. Р. Гамзатова). По-новому неординарно в мажорном эмоциональном контексте плачущее березовым соком дерево предстает в песне «Березовый сок» (муз. В. Баснера, сл. М. Матусовского, 1971.). В этих словах есть, несомненно, и мотив материнский: береза, олицетворяющая Родину, кормит героя песни березовым соком как материнским молоком: «Лишь только подснежник распустится в срок, / Лишь только приблизятся первые грозы, / На белых стволах появляется сок – / То плачут березы, то плачут березы. / Как часто, пьянея средь ясного дня, / Я брел наугад по весенним протокам, / И Родина щедро поила меня / Березовым соком, березовым соком».

В русской поэзии широкое распространение и разработку получил образ березы как символа России. Начало этому было положено стихотворением М. Лермонтова «Родина» («Люблю дымок спаленной жнивы, / В степи ночующий обоз, / И на холме средь желтой нивы / Четую белеющих берез...»). Значение

самого «русского дерева», одного из символов России за березой закреплялось, как это показал М. Эпштейн, постепенно [4].

Знаковыми образами-символами, которыми отмечены своего рода этапы в развитии этой темы, становятся: есенинское определение России как «страны березового ситца» («Не жалею, не зову, не плачу...», 1921); образ России как «березового края», который становится чуть ли не общим местом отечественной лирики, в том числе песенной, при обращении к теме Родины. При этом, правда, он обогащается новыми нюансами и гранями. Так, И. Резник отдал своего рода дань уважения Сергею Есенину, положившему начало разработке образа России как «березового края», тем, что назвал Россию не только «березовым краем», но и «краем Есенина»: «Ах ты, Русь моя, / Песня светлая, / Край березовый, / Край Есенина» («Край березовый», 1960-е гг. Муз. А. Броневицкого, сл. И. Резника). В этом «березовом, милом краю» белоствольных красавиц так много, что они «под каждым окном», «на каждой весенней поляне». И образ березы настолько слился с образом России, что «у нас в каждой песне береза»: «Ты тоже родился в России – краю полевом и лесном. / У нас в каждой песне – береза, береза – под каждым окном. ... / На каждой весенней поляне их белый живой хоровод. Ты тоже родился в России – березовом, милом краю («Растет в Волгограде березка», ок. 1965 г. Муз. Г. Пономаренко, сл. М. Агашиной).

Образ березы воплощает истинно русскую «задумчивую красу» как страны в целом, так и малой Родины и отчего дома: «Мне уголок России мил – / Мой добрый отчий дом. / Стою, не глядя на часы, / Березкам шлю привет. / Такой задумчивой красы / Другой на свете нет! («Уголок России», 1976. Муз. В. Шаинского, сл. Е. Шевелевой). Воспоминание о родном, дорогом сердцу «березовом крае», о «березо-

вом мостке в три жердочки» может нахлынуть внезапно при звуках пения звонкоголосой малиновки: «Малиновки слышав голосок, / Припомню я забытые свиданья, / В три жердочки березовый мосток / Над тихою речушкой без названья. / Прошу тебя, в час розовый / Напой тихонько мне, / Как дорог край березовый / В малиновой заре» («Малиновка», 1978. Муз. Э. Ханка, сл. А. Поперечного).

У Г. Фере тонко поэтический образ России как «страны березовых закатов», земли, которой снятся «березовые сны», нерасторжимо слился с образом лирического героя – солдата, отдавшего жизнь за то, чтобы Родина жила и могла по-прежнему видеть «березовые сны»: «Земля снегов и лебединых облаков, / Земля березовых закатов. <...> Земля моя, я сын твоих берез. / Березки белые от бурь я уберег, / Чтоб вечно снились Родине моей / Березовые сны» («Березовые сны», 1976. Муз. В. Гевиксмана, сл. Г. Фере, песня к к/ф «Великая Отечественная»).

Большинство советских песен о березе, о которых шла речь, в музыкальном отношении представляют собой лирическую песню и генетически связанную с русской протяжной песней, по праву считающейся жемужиной мирового культурного наследия. Красивая, широкого дыхания мелодия поднимает смысл и «звучание» образа на новую высоту, придает поэтически-музыкальному синтезу глубину и особую выразительность. В большинстве случаев преобладающим настроением музыки в целом, которая дополняет и усиливает поэтический образ текста, является светлая грусть, настроение, которое принято считать доминантным для русской ментальности. Особенно в этом отношении выделяются песни: «Березовый сок», «Растет в Волгограде березка», «Вы шумите, шумите...», «Белая береза», «Березы» (М. Фрадкин), «Березы» (группа «Любэ»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зими́на Т. А. Завивание берез // РЭМ. Календарные народные праздники и обряды. Русские праздники и обряды. Весенне-летние праздники и обряды. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/section62/2092/2089/4184.htm>.
2. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. 2-е изд. М., 1987. Т. 1. С. 450–456.

3. *Топорков А. Л. Дуб // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М., 1995. С. 169–171.*

4. *Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 303 с.*